

Прохладный ветер крался по ущелью сквозь густые ветви, оседая на лицах холодной росой. Лес замер грудой черных теней. Луна давно скрылась за облаками, и ущелье утонуло во тьме — хоть глаз выколи.

В этой глухой тишине судорожно, взхлеб хрипел человек. Шаги его были неровными: он спотыкался, проваливался в бурелом, с треском крушил палую листву, втаптывая ее глубоко в жидкую грязь.

— Спасите... Помогите кто-нибудь!..

Пожилой мужчина пробирался сквозь чащу практически на четвереньках. Тропа, по которой в обычные дни можно было выбраться за пару минут, словно бесконечно растягивалась — он бежал уже добрых полчаса, а спасительного выхода все не было видно.

Окружающий лес хранил зловещее молчание, прерываемое лишь редкими порывами ветра в кронах. Ноги беглеца налились свинцом и подкашивались от усталости, но остановиться он не смел. То, что преследовало его, кралось следом незримым призраком, выдерживая ровную дистанцию и выжидая момента, чтобы поглотить его без остатка.

— Спасите... Ну помогите же кто-нибудь...

Силы иссякли, крик застрял в пересохшем горле, превратившись в беззвучный сип.

Вдруг из темноты выполз толстый корявый сук. Мужчина споткнулся и плашмя рухнул в прелую, подгнившую листву. В нос ударил удушливый запах плесени, сырости и тошнотворного болотного смрада, от которого мгновенно закружилась голова.

Он попытался подняться, но нога намертво застряла в развилке ветвей. Перевернувшись на спину, мужчина в ужасе уставился в непроглядную темень и, упираясь ладонями в грязную землю, пополз назад.

— Не подходи... Сгинь! Убирайся!.. — взмолился он, едва не плача от бессилия.

Но мольбы были тщетны. В следующее мгновение прямо из-под земли выросла колоссальная, непроницаемая тень. Она накрыла его с головой. Бедолага даже не успел вскрикнуть напоследок — разум его угас, и он замертво повалился навзничь.

Облака разошлись, и на поляну пролился бледный лунный свет. Там, где только что лежал человек, теперь было абсолютно пусто.

— Беда! Беда стряслась, люди добрые! Лао Чжана больше нет!

— Как это нет? Да он же крепкий мужик, не болел ничем!

— Да ничего вы не знаете! Вчера вечером ушел из дома и пропал. Семья с самого утра на поиски бросилась, а когда нашли... Ох, страх-то какой! Посмотреть тошно. Словно из него... ну, будто лисица-оборотень всю душу выпила, до последней капли!

— Идем скорее, сами поглядим!

Смерть Старейшины Чжана мгновенно разрушила сонный покой глухой деревни. И те, кто гнул спину в поле, и те, кто хлопотал по хозяйству, побросали свои дела и поспешили к месту трагедии. У самого въезда в деревню собралась толпа. Тётушка Ван, признанная местная кумушка, с упоением расписывала жуткие подробности. В самых невероятных местах она понижала голос до зловещего шепота, будто боялась накликать беду, а на ее лице застыл неподдельный ужас.

Тем временем Чу Вэй принес с огорода пару свежих огурцов к завтраку. Положив их на кухонный стол, он тщательно вымыл руки, неторопливо вытер их полотенцем и взял тяжелый тесак. Старое широкое лезвие мало подходило для тонкой чистки овощей.

Однако в пальцах юноши громоздкий нож двигался с невероятной грацией, свистя и мелькая неуловимой тенью. Окончив работу, Чу Вэй отложил тесак, аккуратно подцепил пальцами край огуречной шкурки у самого хвостика и потянул.

Окажись кто рядом, он наверняка лишился бы дара речи от изумления: тончайшая зеленая лента снялась целиком, без единого надрыва, ровная и изящная, словно музейный экспонат. Сам же Чу Вэй лишь равнодушно смахнул кожуру в ведро и недовольно покачал головой.

"Медленно. Все еще слишком медленно"

Не успел он нарезать огурец, как во двор вихрем влетел смуглый, худощавый парень в легкой майке. Запыхавшись, он замер на пороге кухни и закричал во все горло:

— Чу Вэй!.. Быстрее, идем со мной!

С этими словами он шагнул в дом, намереваясь схватить друга за руку. Но Чу Вэй медленно повернул голову. Его красивый разрез глаз слегка изогнулся, а спокойный, пронзительный взгляд заставил Даню запнуться на полуслове и неловко отдернуть протянутую руку.

Местные парни в деревне поголовно росли широкоплечими, загорелыми и грубоватыми. Чу Вэй же на их фоне казался чужаком: кожа белая, губы алые, черты лица настолько утонченные, что любая деревенская красавица позавидовала бы. И сколько бы он ни трудился под палящим

солнцем, загар к нему не лип, а в самый знойный летний день на его лице не выступало ни капли пота.

Даню на мгновение засмотрелся, но тут же опомнился и затараторил:

— Дядя Чжан беду накликал! Идем скорее, сам поглядишь!

Чу Вэй слегка нахмурился.

— Что с ним?

— Да я и сам толком не понял! Полицию уже вызвали, но они пока до нашей глуши доедут... — Даню махнул рукой.

Чу Вэй послушно отложил тесак и поспешил вслед за приятелем на улицу.

Деревушка их затерялась в глуши: до ближайшего поселка нужно было трястись на машине без малого два часа, а до уездного центра и того дольше. Дом дяди Чжана стоял на другом берегу полноводной реки, так что парням пришлось сделать крюк через старый мост.

Они еще не успели подойти к воротам, как до них донесся истошный, надрывный плач, от которого звенело в ушах.

— Лао Чжан! Ну на кого ты меня покинул?! Как мне теперь жить одной?! — голосила на весь двор безутешная жена покойного. — Я же просила тебя вчера: не ходи никуда на ночь глядя! В лесу нечисти полно, а ты не слушал! За что мне это наказание?!

Чу Вэй резко остановился. Он поднял взгляд к небу — над черепичной крышей дома клубилась едва различимая, зловещая черная дымка.

— Ты чего замер? — недоуменно спросил Даню, тоже замедляя шаг.

Ему самому было не по себе. По деревне уже поползли слухи, что от крепкого тела дяди Чжана остались лишь обтянутые кожей кости, а лицо почернело и сгнило. Если бы не знакомая одежда, родные вряд ли признали бы покойного. Интерес смешивался в груди Даню с первобытным, липким страхом.

Чу Вэй опустил глаза и вновь зашагал вперед.

— Пустяки, — бросил он.

Даню послушно засеменял следом.

Двор Лао Чжана уже кишел народом. В основном это были старики — вся молодежь давно уехала на заработки в большие города, оставив в деревне лишь детей да пожилых. Мужчин в самом соку, таких как дядя Чжан, здесь по пальцам можно было пересчитать. Малышня пыталась просунуть носы сквозь щели в заборе, но строгие бабки то и дело уводили их прочь, закрывая им глаза ладонями.

Даню, пользуясь своим ростом и природной юркостью, ловко протиснулся сквозь толпу, увлекая за собой Чу Вэя, и вытолкнул друга вперед, а сам робко выглянул из-за его плеча.

Тело дяди Чжана покоилось в главной зале дома. На скорую руку сколоченный помост из досок застелили простой соломенной циновкой, поверх которой уложили усопшего. Сейчас его с головы до ног укрывала простыня из грубого белого холста.

— Эх, накрыли уже, ничего не видать, — разочарованно прошептал Даню.

Он и не подозревал, что замерший перед ним Чу Вэй смотрел совсем не на белое покрывало. В расширившихся зрачках юноши отражался силуэт человека — того самого, чье безжизненное тело покоилось на деревянном помосте.

Душа покойного парила прямо над трупом. Призрак безучастно завис в воздухе, его полупрозрачное лицо казалось совершенно безжизненным и застывшим. Чу Вэй нахмурился. Обычно после кончины душа человека не покидает земной мир в течение семи дней, сохраняя при этом остатки разума и способность воспринимать чужую речь. Однако этот дух выглядел пугающе опустошенным, лишенным даже искры сознания.

— Слышь, ты же у нас ничего не боишься, — легонько подтолкнул его в бок Даню. — Подойди поближе, загляни под простыню.

У Чу Вэя и самого зрело подобное намерение, но стоило ему сделать шаг к порогу, как чья-то сухая, крепкая рука стальным зажимом перехватила его запястье.

— Сяо Вэй, даже не думай туда соваться. Стой где стоишь, — раздался строгий, надтреснутый голос.

Юноша обернулся. Перед ним стоял его дедушка — глубокий, иссеченный морщинами старик, которому перевалило за восьмой десяток. Чу Вэй жил с ним вдвоем сколько себя помнил. Спорить он не стал, послушно замер на месте, но взгляда от безучастного лица зависшего призрака так и не отвел.

Толпа во дворе испуганно жалась к забору. Селяне, уже успевшие мельком повидать ужасающий облик покойного, не смели приближаться к дому. Лишь овдовевшая супруга, не

помня себя от горя, рыдала у изножья помоста. Вокруг стоял приглушенный, тревожный гул голосов:

— Точно вам говорю — лисица-оборотень! Видели, как усох бедняга? Словно соки все высосали!

— Да какая лиса? Нечисть лесная задрала, не иначе!

— Давно поговаривали, что в ущелье тварь завелась... Вот и доигрались.

Судачили долго, пока тишину деревенских улиц не прорезал резкий вой сирены. Вскоре у ворот усадьбы с визгом затормозил полицейский автомобиль.

— Расступись! Дорогу! Всем отойти назад! — скомандовали трое вошедших во двор офицеров в форме.

Селяне питали перед властями робость, а потому сразу притихли и покорно попятились, освобождая проход. Чу Вэй молча наблюдал из угла двора, как оперативники выставили ограждение и принялись выпроваживать любопытных за калитку.

— Тоже мне, важные птицы, — недовольно пробурчал Даню. — Даже поглазеть не дают.

— Так нужно для расследования, — спокойно отозвался Чу Вэй.

Пока он говорил, его спрятанная за спиной ладонь едва заметно дрогнула. Чу Вэй зажал между пальцами тонкий бумажный талисман и под прикрытием поднявшейся суматохи мимоходом коснулся плеча проходившего мимо полицейского. Стоило бумаге соприкоснуться с тканью формы, как она на долю секунды вспыхнула тусклым светом и бесследно растворилась.

Двери дома с грохотом захлопнулись, скрывая происходящее от посторонних глаз. Чу Вэй медленно прикрыл веки, а когда разомкнул их снова — его правый зрачок налился глубокой, потусторонней чернотой, превратившись в бездонный вихрь. Благодаря наложенному заклинанию он теперь видел все происходящее в зале глазами того самого полицейского.

Белое покрывало откинули в сторону. Стоило взору коснуться лица усопшего, как молодая сотрудница полиции испуганно вскрикнула. Рука ее дрогнула, выронив ткань, и она попятилась, едва не повалив стул.

Взгляд Чу Вэя сквозь чужие глаза приковал мертвец. Лицо Старейшины Чжана представляло собой жуткое зрелище: обтянутый иссиня-черной, иссохшей кожей череп, глубоко провалившиеся глазницы и широко распахнутый в немом крике рот. Все выглядело в точности так, как судачили кумушки — несчастного словно выпили без остатка, лишив жизненной силы. Обычной смертью здесь и не пахло.

Оперативники внутри дома явно пришли к тому же выводу. Старший из них строго обратился к вдове:

— Где именно вы обнаружили тело? И почему сразу не вызвали полицию, а притащили труп сюда?

Женщина, утирая слезы рукавом, робко запричитала:

— Да ведь у нас в деревне обычай такой... Нельзя покойника в чистом поле бросать, а то душа его неприкаянной останется, в дом дороги не найдет. Мы как увидели его там, в лесу... испугались, разум отнялся, вот и принесли домой на руках.

Полицейские лишь тяжело вздохнули, мысленно проклиная дремучие местные суеверия.

Стоявший на улице Чу Вэй разделял их досаду. Перемещение тела не только уничтожило все улики на месте преступления, но и несло куда более страшную угрозу: глупые люди могли своими руками притащить в деревню то зло, что оборвало жизнь несчастного.

Только он собрался всмотреться пристальнее, как в его сознании эхом отозвался глубокий, бархатистый мужской голос:

"Ну что, ученик, заметил след?"

Глаза Чу Вэя мгновенно вспыхнули радостным блеском. Он тихо, едва слышно прошептал:

— Шифу!

<http://bllate.org/book/19040/1896999>